

Евгений Замятин

На куличках

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84
3-26

З-26 **Замятин Е.И.**
На куличках / Евгений Замятин – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «
Книга по Требованию», 2025. – 106 с.

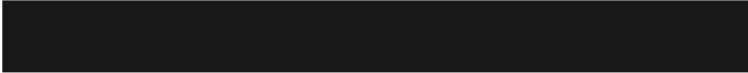
ISBN 978-5-8854-2718-0

"На куличках" – повесть, написанная в фирменном стиле Евгения Замятина, отличающемся лаконичностью, экспрессивностью и острым сатирическим взглядом. Автор создает яркие, запоминающиеся образы, используя гротеск, гиперболу и другие художественные приемы для разоблачения пороков русской армии и общества в целом. "На куличках" – это не только социальная сатира, но и новаторское произведение, предвосхитившее многие тенденции литературы XX века.

106 страниц, формат А5

ISBN 978-5-8854-2718-0

© Lennex Corp, 2025
© Е.И. Замятин, 2025

НА КУЛИЧКАХ

Евгений Замятин

Санкт-Петербург 2025

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ ЗАМЯТИН
НА КУЛИЧКАХ

Аннотация

В русской литературе Евгений Замятин продолжил ту линию, которую принято называть критической, берущей начало от Гоголя, Салтыкова-Щедрина, а более близких по времени писателей — Ф. Сологуба. Константин Федин называл Замятина «гроссмейстером литературы» и считал, что его «нехитро угадать по любой фразе».

За антивоенную по духу повесть «На куличках», героями которой являются не только дальневосточные офицеры и солдаты, но и вся «загнанная на кулички Русь», Замятин был привлечен к суду, а номер журнала «Заветы», в котором была опубликована повесть, был конфискован.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ ЗАМЯТИН
НА КУЛИЧКАХ
ПОВЕСТЬ

1. Божий зевок.

Есть у всякого человека такое, в чем он весь, сразу, чем из тысячи его отличишь. И так же у Андрея Иваныча — лоб: ширь и размах степной. А рядом нос — русская курнофеечка, белобрысые усики, пехотные погоны. Творил его Господь Бог, размахнулся: лоб. А потом зевнул, чего-то скушно стало — и кой-как, тяп-ляп, кончил: сойдет. Так и пошел Андрей Иваныч с Божьим зевком жить.

Вздумал прошлым летом Андрей Иваныч — в академию готовиться. Шутка ли сказать: на семьдесят рублей одних книг накопил. Просидел над книгами все лето — и случилось в августе на Гофманский концерт попасть. Господи Боже мой: сила какая. Куда уж там академией заниматься: ясное дело — быть Андрею Иванычу Гофманом. Недаром же все в полку говорили: так Андрей Иваныч играет Шопеновский похоронный марш — без слез слушать нельзя.

Под диван все книги академические, взял учительницу, засел Андрей Иванович за рояль: весной в консерваторию поедет.

А учительница — светловолосая, и какие-то у ней особенные духи. Вышло: вовсе не музыкой занимался с ней Андрей Иванович всю зиму. И пошла консерватория прахом.

Что же, так теперь и прокисать Андрею Ивановичу субалтерном в Тамбове каком-то? Ну, уж это шалишь: кто-кто, а Андрей Иванович не сдастся. Главное — все сначала начать, все старое — к чорту, закатиться куда-нибудь на край света. И тогда — любовь самая настоящая, и какую-то книгу написать — и одолеть весь мир...

Так вот и попал Андрей Иванович служить — на край света, к чертям на кулички. Лежит теперь на диване — и чертыхается. Да как же, ей Богу: третий день приехал — и третий день от тумана не продыхнуть. Да ведь какой туман-то: оторопь забирает. Густой, лохматый, как хмельная дрема — муть в голове — притчится какая-то несуразная нелюдь — и заснуть страшно: закружит нелюдь.

Хоть какого-нибудь человеческого голоса захотелось — навождение свалить. Кликнул Андрей Иванович денщика.

— Эй, Непротошнов, на минутку!

Как угорелый, влетел денщик и влип в притолку.

— Скушно у вас, Непротошнов: туман-то, а?

— Н-не могу знать, ваше-бродие...

«Фу ты, Господи: какие глаза рыбы. Но можно же его чем-нибудь»... — Ну что, Непротошнов, через год домой, а?

— Так тошно, ваше-бродие.

— Жена-то есть у тебя?

— Так тошно, ваше-бродие.

— Небось, по ней соскучился? Соскучился, говорю, а?

Что-то тускло мигнуло в Непротошнове.

— Как она, есть конкурент моей жизни, жена-то... то я... и потух, спохватился, вытянулся Непротошнов еще больше.

— Да что: разлюбил, что ли? Ну?

— Н-не могу знать, ваше-бродие...

«О, ч-чорт... Ведь вот: был, наверно, в деревне — первый гармонист, а теперь — рыбы глаза. Нет, надо будет от него отвязаться»... — Ладно. Иди к себе, Непротошнов.

Отвалился Андрей Иванович к подушке. В окно полз туман лохматый, ватный: ну просто не продыхнуть.

Перемогся — и хоть с храпом — а продыхнул Андрей Иванович, и сам же услышал свой храп: заснул.

«Батюшки, что же это я — среди
бела дня сплю...»

Но запутал туман паутиной — и уж не шевельнуть ни рукой, ни ногой.

2. Картофельный Рафаэль.

— Их преосходительства господина коменданта нету дома.

— Да ты, братец, узнай хорошенько. Скажи, мол, поручик Половец. Половец, Андрей Иванович.

— Половец-ец?

У денщика генеральского — не лицо, а начищенный самовар медный: до того круглое, до того лоснится. И был себе самовар заглохший, а тут вдруг начал пузыриться, закипать:

— Полове-ец? Ах-и-батюшки, позабыл я, дома они. Половец — ну как же: — дома, пожалте. Только заняты малость.

Денщик отворил из сеней дверь налево. Андрей Иванович нагнулся, вошел. «Да нет... да может, не туда?»

Дым коромыслом, чад, суета, шипит что-то, луком жареным пахнет...

— Кто та-ам? Поближе, поближе, не слы-ы-шу!

Андрей Иванович шагнул поближе:

— Честь имею явиться вашему превосходительству...

Да чорт-те возьми: да уж он ли это, генерал ли? Передник кухарский и беременное пузо, подпертое коротышками-ножками. Голая, пучеглазая, лягушачья голова. И весь разлтый, растопыренный, лягва огромная, — может под платьем-то и пузо даже пестрое, бело-зелеными пятнами.

— Явиться? Гм, хорошее дело, хорошее дело... офицеров у меня мало. Запивох — это сколько угодно, — буркнул генерал.

И опять занялся своим делом: тонкими на диво ломтиками кромсал крупичатый белый картофель. Нарезал, вытер фартуком руки, сигнул бочком к Андрею Ивановичу, уставился, обглядел и закричал сердито, снизу откуда-то, как водяной из бучила:

— Ну, что за нелегкая сюда занесла? Майн-Ридов начитался, а? Сидел бы себе, голубеночек, в России, у мамыши под подолом, чего бы лучше. Ну что, ну зачем? Возись тут потом с вами!..

Андрей Иванович оробел даже: уж очень сразу наскочил генерал.

— Я, ваше превосходительство... Я в Тамбове... А тут, думаю, море... Китайцы тут...

— Ту-ут! Едут сюда, думают тут...

Но не кончил генерал: зашипело что-то на плите предсмертным шипом, закурился пар, паленым запахло. Мигом генерал пересигнул туда и кого-то засыпал, в землю вбил забористой руганью.

Тут только оглядел Андрей Иванович поваренка-китайца в синей кофте-курме: стоял он перед генералом, как робкий звереныш какой-то на задних лапках.

— Р-раз, — и чмокнулась в поваренка звонкая оплеуха.

А он — ничего: потер только косые свои глаза кулачками, чудно так, быстро, по-заячьи.

Отдувался генерал, плескалось под фартуком его пузо.

— Уф-ф! Замучили, в лоск. Не умеют, ни бельмеса не смыслят: только отвернись — такого настряпают... А я смерть не люблю, когда обед так вот, шата-валя, без настроения варганят. Пища, касатик, дар Божий... Как это, бишь, учили-то нас: не для того едим, чтобы жить, а для того живем, чтобы... Или как бишь?

Андрей Иванович молча во все глаза глядел. Генерал взял салфетку и любовно так, бережно, перетирал тонкие ломтики картофеля.

— Картошка вот, да. Шваркнул, мол, ее на сковородку и зажарил, как попало? Вот... А которому человеку от Бога талант даден, тот понимает, что в масле ни в ко-ем слу-чае... Да в масле? Да избави тебя Бог! Во фритюре — обязательно, непременно, запомни, запиши, брат — во фритюре, раз-на-всегда.

Генерал взял лимон, выжимал сок на ломтики картофеля, Андрей Иванович насмелел и спросил:

— А зачем же, ваше превосходительство, лимон?

Видимо, пронзило генерала такое невежество. Отпрыгнул, орет откуда-то снизу — водяной со дна из бучила:

— Ка-ак зачем? Да без этого ерунда выйдет, профанация. А покропи, а сухо-на-сухо вытри, а поджарь во фритюре... Картофель a la lyonnaise — слышал? Ну, куда-а вам! Сокровище, перл, Рафаэль! А из чего? Из простой картошки, из бросовой вещи. Вот, миленок, искусство что значит, творчество, да...

«Картошка, Рафаэль, что за чушь! Шутит он?» — поглядел Андрей Иванович.

Нет, не шутит. И даже — видать еще вот и сейчас — под теплом лица мигает и тухнет человечье, далекое.

...”Пусть картофельный, — хоть картофельный Рафаэль”.

Андрей Иванович поклонился генералу, генерал крикнул:

— Ларька, проводи их к генеральше. До свидания, голубенок, до свидания...

Бывают в лесу поляны — порубки: остались никчемушные три дерева, и от них только хуже еще, пустее. Так, вот, и зал генеральский: редкие стулья; как бельмо — на стене полковая группа. И как-то некстати, ни к чему, — приткнулась генеральша посередине зала на венском диванчике.

С генеральшей сидел капитан Нечеса. Нечесу Андрей Иванович уже знал: запомнил еще вчера включенную его бороду в крошках. Поклонился генеральше, поцеловал Андрей Иванович протянутую руку.

Генеральша переложила стаканчик с чем-то красным из левой руки опять в правую и сказала поручику, однотонно, глядя мимо:

— Садитесь, я вас — давно — не видала.

...”То есть как — давно не видала?”

И сразу сбила с панталыку Андрея Ивановича, выскочила из головы у него вся приготовленная речь.

Капитан Нечеса, кончая какой-то разговор, пролаял хрипло:

— Так вот-с, дозволейте вас просить — в крестные-то, уж уважьте...

Генеральша отпила, глаза были далеко — не слыхала. Сказала — ни к селу, ни городу — о чем-то о своем:

— У поручика Молочки пошли бородавки на руках. Кабы еще на руках, а то по всему по телу... Ужасно неприятно — бородавки.